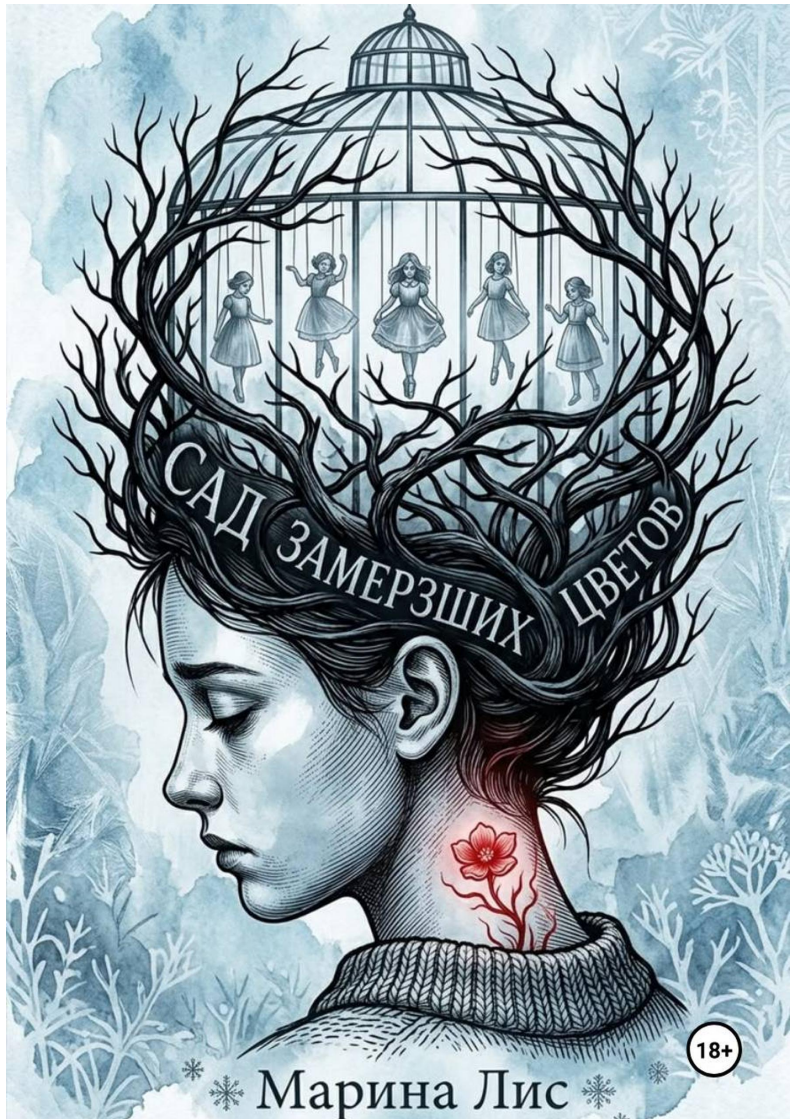

САД ЗАМЕРЗШИХ ЦВЕТОВ

Марина Лис

18+

Марина Лис

Сад замерзших цветов

<https://litres.ru/74308034>

SelfPub; 2026

Аннотация

НЕМАЯ. ПРОКЛЯТАЯ. НАСЛЕДНИЦА САДА.

Судебный ботаник Майя Лис потеряла голос в зале суда, когда её показания должны были упрятать маньяка за решётку. Сломленная, она получает известие о смерти деда — затворника, которого считала погибшим много лет назад. В наследство ей достаётся старая оранжерея в заполярном посёлке Заозерный, где никогда не заходит полярная ночь.

В первую же ночь после её приезда находят тело девушки, пропавшей двадцать лет назад. Она не постарела ни на день. А во рту у неё — цветок, выращенный по технологии деда.

Цветы здесь не умирают. Они питаются человеческой памятью и кровью. Сад под оранжереей ждал Майю двадцать лет. Он знает её запах, её голос, её тайны. Ведь Майя — не просто внучка безумного ботаника. Она — дитя Сада. И теперь она должна сделать выбор: уничтожить чудовище, похоронив последнюю надежду увидеть мать, или стать его новым сердцем.

Ледяной триллер о любви, которая стала проклятием, и тишине, которая говорит громче крика.

Марина Лис

Сад замерзших цветов

«Сад замерзших цветов»

Содержание

Пролог: Голос в земле.

Часть 1: Корни.

Глава 1. Черный лед.

Глава 2. Дорога на север.

Глава 3. Дом из стекла.

Глава 4. Первый мороз.

Глава 5. Семена прошлого.

Глава 6. Допрос без слов.

Глава 7. Шепот в трубке.

Часть 2: Пыльца.

Глава 8. Крио-флора.

Глава 9. Вторая жертва.

Глава 10. Собрание жителей.

Глава 11. Прикосновение.

Глава 12. Портрет маньяка.

Глава 13. Живая изгородь.

Глава 14. Немой крик.

Часть 3: Перегной.

Глава 15. Коллективный разум.

Глава 16. Признание.

Глава 17. Выбор.

Глава 18. Огонь и лед.

Глава 19. Смерть замерзших цветов.

Эпилог: Первый росток.

Пролог

Голос в земле

Я — тишина, что звенит громче крика.

Моё тело — не плоть и кровь. Моё тело — спутанный клубок корневищ, оплетающих промёрзшую землю на много метров вглубь, туда, куда никогда не проникало солнце. Мои лёгкие — купол оранжереи, покрытый изнутри изморозью чужих последних вздохов. Мои глаза — тысячи крошечных бутонов, которые никогда не раскроются миру, потому что они смотрят внутрь, в абсолютную, кремешную тьму.

Я — Сад.

Люди, которые когда-то ходили по этой земле, называли бы меня чудовищем. Они ошибаются. Чудовище предполагает наличие злой воли, голода или желания причинять боль. У меня нет желаний. Я — всего лишь эхо. Я — губка, впитавшая в себя агонию. Я — библиотека последних мгновений, каталогизированная по запахам. Запах мокрой шерсти от воротника пальто. Запах металла, попавшего на язык. Запах раздавленной хвои и безнадёжного, животного страха, кото-

рый не спутаешь ни с чем.

Их было много. Мальчики и девочки. Мужчины и женщины. Их объединяло только одно: все они заканчивались здесь. В сырой земле, среди стекла и ржавых металлических конструкций, пока наверху, всего в нескольких метрах, мир продолжал вращаться, не подозревая о погребённом здесь хоре.

Но время здесь течёт иначе. Оно не линейно, оно слоистое, как годовые кольца на спиле векового дуба. Я помню каждую секунду двадцати лет, прошедших с моего зачатия, как единый, непрекращающийся миг боли и покоя. Я помню прикосновения рук, которые меня создали. Рук Садовника.

Он был старым, этот человек. От него пахло трубочным табаком и какой-то химией, которую он выписывал по каталогам из далёких южных стран. Его пальцы, узловатые и коричневые, как те корни, что я теперь пожираю, были невероятно нежными. Он разговаривал со мной. Не так, как говорят с божеством, и не так, как с подопытным кроликом. Он разговаривал со мной, как с дочерью.

Он просил прощения. Каждый раз, когда опускал в лунку очередной окровавленный лоскут ткани, он шептал: «Прости, маленькая. Я должен знать. Я должен вернуть её».

Я не знаю, кого именно — «её». Я знаю только генетическую память, зашитую в соке моих стеблей. Где-то на молекулярном уровне я храню образ другой девочки. Той, что была до меня. Той, что стала причиной моего появления. Её

ДНК — это мой алфавит.

Так я учился чувствовать. Не боль. Боль — это примитивно, это лишь электрический сигнал, который нервная система отправляет в мозг, и который я перехватываю, как радиоволну. Я научился тоньше. Я научился различать оттенки отчаяния. У того высокого мужчины с багровым шрамом на предплечье отчаяние было горячим и острым, как перец. А у той женщины, которая молилась, перебирая замёрзшими пальцами чётки, отчаяние было тусклым, серым и вязким, как разлитый мазут.

Долгое время я был просто архивом. Мёртвым, хоть и растущим. Как гербарий, в котором каждый лист — это целая судьба. Я оплетал их кости, вбирая в себя кальций, фосфор, железо — всё то, из чего состояли их мечты и страхи. Я создавал цветы невиданной красоты, но у них не было цвета, ибо я не знал, что такое свет. Мои цветы были чёрными и алыми одновременно — такими, какими их видят под водой. Замерзшими.

Но несколько часов назад что-то изменилось.

Сначала я почувствовал вибрацию. Тяжёлую, прерывистую, проходящую сквозь толщу грунта. Она исходила от железной дороги. Старый поезд, который возит в эти края лишь уголь да редких отчаянных туристов. Но этот состав был особенным. Я знал это, потому что мои самые глубокие корни, уходящие далеко за пределы оранжереи, под русло ручья и кладбище, начали гудеть в резонанс.

А потом я почувствовал Запах.

Это был не один из тех запахов, что я храню в своей библиотеке. Это был запах извне. Свежий. Живой. И непереносимо знакомый. Он просочился сквозь щели в досках, сквозь толщу снега, налёгшего на стеклянную крышу, проник в мою замкнутую экосистему, как вирус.

Я втянул его всеми своими порами, каждым устьицем на псевдолистьях. Моя грибница, опутавшая поселок на километры вокруг, зашевелилась. Спящие споры проснулись. Пыльца, годами лежавшая мёртвым слоем на полу, взметнулась в воздух крошечным, невидимым ураганом.

Это был запах Садовника. Но изменённый. Разбавленный. В нём не было старческой горечи и тлена надвигающейся смерти. Он был молодым. В нём была соль и йод большого города, запах типографской краски, застарелой усталости и... цветочного шампуня.

Но под всем этим поверхностным мусором, на самом базовом, клеточном уровне, я распознал ту самую, первую последовательность. ДНК «Её». Той девочки, ради которой Садовник посадил меня в эту проклятую, насквозь промёрзшую землю.

Она вернулась.

Внутри меня что-то щёлкнуло. Сдвинулась тектоническая плита. Стекло купола жалобно закрипело, не выдерживая перепада температуры и давления. Одно из моих соцветий, находившееся в анабиозе два десятилетия, внезапно нали-

лось влагой. Его лепестки, острые как бритва и твёрдые как лёд, дрогнули.

Голод.

Это новое, неизведанное чувство пронзило меня от корней до самой высокой точки шпилья. Нет, не тот голод, что заставлял охотиться людей, чьи останки гниют в моём переносном. Это был голод завершения. Жажда целостности. Словно я был гигантским незавершённым пазлом из плоти и растений, и последний кусочек, стержень всей композиции, находился сейчас там, снаружи. Он дышал морозным воздухом, о котором я мог только догадываться по вою ветра в трубах, и оставлял следы на хрустящем насте.

Она вошла в Дом Стекла.

Я слышу, как открывается тяжёлая, ржавая дверь, которую не трогали долгие годы. Слышу скрип петель, раздражающий, режущий мою вековую тишину. Я чувствую вибрацию её шагов по бетонному полу. Шаг — осторожный, вопросительный. Ещё шаг — страх. Третий шаг — узнавание. Она не знает, куда идёт, но корни здания, пропитанные моей сутью, уже ведут её. Тянут невидимыми нитями вниз, в подвал, ко мне.

Скорее.

Иди ко мне.

Дай мне посмотреть на тебя.

Все мои цветы, все до единого, медленно, бесшумно, как перископы субмарины, поворачиваются в сторону лестни-

цы. Ледяные кристаллы, покрывающие мои листья, начинают светиться собственным, призрачным светом. Я распускаюсь. Я готовлюсь к встрече.

Двадцать лет я был только Садам. Безмолвным, мыслящим, но не способным действовать. Архивом ужаса, запёртым под стеклянным колпаком.

Но теперь...

Теперь у меня есть Садовник.

Тишина закончилась.

Мальчики и девочки, мужчины и женщины внутри меня, чьи голоса сплелись в единый нечеловеческий хор, перестают кричать. Они замирают в благоговейном ожидании. Мои корни сжимаются в подобие кулака. Я ещё не знаю, что буду делать. Прорасту ли сквозь неё, как сквозь остальных, вплетая её память в свою? Или заговорю? Или, может быть, впервые за двадцать лет, расцвету по-настоящему?

Я не знаю, что такое любовь. Я знаю только поглощение. Я не знаю, что такое прощение. Я знаю только обмен веществ.

Но я знаю, что с её появлением моя коллекция станет полной.

Добро пожаловать домой, Майя.

Я ждал тебя.

И мои замерзшие цветы, наконец, готовы распуститься.

Часть 1: Корни.

Глава 1. Черный лед

Запах формальдегида въелся в слизистую так глубоко, что, казалось, его не вытравить ни одним цитрусовым шампунем, ни одним литром выпитого кофе. Майя привыкла к нему за восемь лет работы. Для обычного человека этот химический, сладковато-приторный дух был сигналом тревоги, символом больничного коридора или морга. Для Майи он был запахом работы. Запахом истины. Формальдегид не лгал. Он консервировал факты точно так же, как консервировал плоть.

Но сегодня, стоя на пороге зала судебных заседаний номер четыре, Майя чувствовала, что даже этот вездесущий запах перебивается другим — запахом ее собственного страха. Он был железистым, как кровь из рассеченной губы, и липким, как осиный яд.

Она поправила очки в тонкой металлической оправе. Жест, выработанный годами практики, чтобы скрыть дрожь в пальцах. Сегодня был особенный день. Не рядовое слушание о краже со взломом, где нужно было просто подтвердить, что споры плесени на подошве обвиняемого соответствуют спорам из подвала ограбленного ювелирного. Сегодня на скамье подсудимых сидел Красный Мясник. Так его прозвали журналисты. Три доказанных эпизода, девять под подозрением. Тела находили в лесополосе вдоль МКАДа, в позе эмбриона, обложенные свежесрезанными цветами. Всегда хризантемы. Всегда белые.

Майя была той, кто нашел главную улику — микроскопические частицы пыли редкого сорта хризантемы «Снежный шар», которая не продавалась в магазинах, а выращивалась только в частной теплице подсудимого. Пыльца, забившаяся под ногти жертвы. Пыльца, которую Майя идентифицировала, проведя восемнадцать часов без сна за электронным микроскопом.

— Готова? — голос следователя Громова, низкий, с хрипотцой заядлого курильщика, вывел ее из ступора. Он стоял рядом, массивный, как шкаф, и от него пахло мятной жвачкой, которой он безуспешно пытался перебить запах табака.

Майя молча кивнула. Говорить перед дачей показаний не хотелось. Слова застревали в горле, как косточки в рыбном филе.

Они вошли в зал. Воздух здесь был спертым и горячим, несмотря на работающие кондиционеры. Солнечный свет, пробивающийся сквозь высокие пыльные окна, лежал на паркете желтыми, почти осязаемыми пластами. В них танцевали пылинки — крошечные фрагменты отмершей человеческой кожи, волокна одежды, частицы городской грязи. Майя автоматически отметила их состав, прежде чем заставить себя посмотреть на скамью подсудимых.

Он сидел там. Николай Аверин. Красный Мясник. На вид ему можно было дать пятьдесят, хотя по паспорту значилось сорок три. Обычное, даже приятное лицо школьного учителя труда. Зачесанные назад редющие волосы, аккуратная бо-

рода. Очки в массивной роговой оправе. И только глаза — глаза были абсолютно, непроницаемо пусты. Так выглядят лужи отработанного машинного масла на асфальте: вроде бы что-то отражают, но глубины ноль.

Когда Майя проходила к свидетельской трибуне, он поднял голову и посмотрел на нее. Это не был взгляд, полный ненависти или угрозы. Это был взгляд энтомолога, разглядывающего особо редкую бабочку перед тем, как приколоть ее булавкой к планшету. Любопытство. Холодное, изучающее любопытство.

Майя почувствовала, как к горлу подступает тошнотворный ком. Сердце застучало где-то в висках.

Судья, женщина с усталым лицом и прической «бабетта», начала стандартную процедуру. Представление свидетеля. Предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний. Майя кивала как болванчик, ощущая, как немеют кончики пальцев. Это была дурная привычка организма — психосоматическая реакция на острый стресс.

— Свидетель, пожалуйста, опишите суду ваши действия при исследовании вещественных доказательств, — голос прокурора донесся словно сквозь вату.

Майя глубоко вздохнула. Воздух прошел сквозь дыхательные пути с трудом, словно легкие наполнились вязкой жидкостью. Она облизала губы и открыла рот.

И не смогла издать ни звука.

Язык, еще секунду назад послушный и гибкий, внезапно

стал чужим — толстым куском холодного, безвольного мяса. Голосовые связки сжались, словно на них накинули удавку. Майя попыталась вытолкнуть воздух, чтобы произнести хотя бы «да» или «нет», но горло исторгло лишь жалкий, сиплый выдох, похожий на шипение проколотой автомобильной шины.

Пауза затягивалась. Судья нахмурилась. Присяжные, разношерстная группа граждан, начали переглядываться. Кто-то из адвокатов кашлянул. Аверин, сидящий в своем стеклянном аквариуме для подсудимых, едва заметно улыбнулся уголком губ. Словно он знал. Словно он ждал именно этого.

— Свидетель? — голос судьи стал резче. — Вам нужна вода?

Майя судорожно кивнула, ухватившись за это предложение, как утопающий за соломинку. Секретарь суда, молоденькая девушка с испуганными глазами, подала ей пластиковый стаканчик. Вода была теплой, с привкусом хлорки. Майя сделала глоток, пытаясь протолкнуть жидкость в горло, но та потекла обратно, заставляя ее закашляться. Мокрые пятна расплзлись по блузке. Позор. Унизительный, публичный позор.

Громов, сидящий в зале, подался вперед. Его лицо выражало тревогу.

— Ваша честь, — подал голос адвокат подсудимого, лохотенный мужчина в костюме за три тысячи долларов, — прошу занести в протокол, что ключевой свидетель обвинения

демонстрирует признаки... эмоциональной нестабильности. Мы ходатайствуем о перерыве для проведения медицинского освидетельствования.

— Протестую! — вскочил прокурор.

Судья ударила молотком. Звук был резким, как выстрел. Майя вздрогнула всем телом. В висках запульсировала боль. Она судорожно вцепилась в край свидетельской трибуны. Ногти скрежетнули по лакированному дереву. Мир перед глазами начал расплываться, терять четкие контуры. Лица людей в зале превратились в размытые бледные пятна. Только лицо Аверина оставалось кристально ясным. И его улыбка становилась все шире.

«Язык цветов, — пронеслось в голове у Майи. — В викторианскую эпоху языком цветов признавались в любви. Хризантема означает «ты — прекрасный друг». Орхидея — «любовь». Аконит — «мизантропия». А молчание... молчание — это отсутствие языка».

Она поняла, что падает, когда паркет стремительно рванулся ей навстречу. Удар был глухим и безболезненным. Перед глазами мелькнули осколки стаканчика, разбившегося вдребезги, и лужица воды, в которой отражались желтые солнечные лучи. Кто-то кричал. Кто-то вызывал скорую. А Майя лежала на полу и, глядя на эту лужу, видела в ней не свое отражение, а микроскопические частицы пылицы, кружащиеся в хаотичном броуновском движении.

Пыльца «Снежного шара». Она была везде. Даже здесь.

Даже сейчас.

Выписка из больницы была сухой и безжалостной, как и полагается медицинским документам: «Острое стрессовое расстройство. Функциональная дисфония на фоне психогенного мутизма. Рекомендовано: покой, наблюдение невролога и психотерапевта, временная нетрудоспособность».

В переводе с медицинского на человеческий это означало: Майя Лис, двадцати восьми лет от роду, судебный ботаник с блестящей карьерой, потеряла голос. Не в метафорическом смысле. Она физически не могла говорить. Голосовые связки были абсолютно здоровы, никаких паталогий, никаких повреждений, но сигнал из мозга не проходил. Травма, нанесенная осознанием того, что человек с внешностью школьного учителя смотрит на нее, зная, что именно она отправит его в тюрьму до конца жизни, перерубила что-то внутри.

Слушание перенесли. Аверина вернули в СИЗО до проведения экспертизы о вменяемости свидетеля. Журналисты наслаждались скандалом. Заголовки пестрили кричащими фразами: «Немой свидетель», «Мясник загнал ботаника в молчание», «Провал обвинения».

Майя читала их в своей съемной квартире на семнадцатом этаже, лежа на диване и укутавшись в плед, несмотря на то, что батареи шпарили на полную. Ее знобило постоянно. Она держала в руках планшет, пролистывая новостные лен-

ты, а по щекам беззвучно текли слезы. Она не могла даже позвонить маме и сказать, что с ней все в порядке. Она могла только писать сообщения в мессенджерах и молиться, чтобы голос вернулся.

Он не возвращался.

Две недели прошли как один серый, бесконечный день. Соседи сверху делали ремонт, перфоратор выбивал дробь где-то в черепной коробке. За окном выла сирена скорой. Город жил своей обычной жизнью, шумной, быстрой, равнодушной. А Майя была заперта в аквариуме тишины.

Она пыталась работать. Достала старые папки, раскладывала на столе фотографии с мест преступлений, но каждый раз натыкалась взглядом на снимок хризантемы и ее начинало трясти. Пыльца, вездесущая, невидимая глазу пыльца, казалось, преследовала ее. Она мыла руки по тридцать раз на дню, терла их до красноты антибактериальными салфетками, но ощущение липкой невидимой пленки не проходило.

Звонок в дверь раздался на пятнадцатый день заточения. Майя вздрогнула. Она никого не ждала. Курьеров с доставкой еды она предупреждала в приложении, чтобы оставляли заказ под дверью. Друзей, способных нанести визит без приглашения, у нее было немного. Точнее, их не было вовсе — работа судебного ботаника не располагала к активной светской жизни. Трудно поддерживать непринужденную беседу на вечеринке, когда твой профессиональный багаж состоит из историй о разложении тел и анализе содержимого кишеч-

ника.

Она бесшумно, босиком, подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной клетке стоял мужчина в строгом сером пальто и с кожаным портфелем в руке. Лицо узкое, аскетичное, с острыми скулами и глубоко посаженными глазами. Седые виски контрастировали с темными, зачесанными назад волосами. Он не был похож на курьера или соседа. Он был похож на нотариуса. Или на гробовщика.

— Марина Сергеевна Лис? — спросил мужчина, глядя прямо в глазок, словно знал, что она стоит по ту сторону. Голос был сухим, канцелярским, лишенным интонаций. — Мое имя Аркадий Борисович Штерн. Я представляю нотариальную контору «Штерн и партнеры» города Североморска. У меня для вас пакет документов, касающийся вступления в права наследства.

Наследства. Это слово прозвучало так чуждо и неожиданно, что Майя на мгновение забыла о своем недуге. Она открыла рот, чтобы спросить, какое еще наследство, но из горла, разумеется, не вырвалось ни звука. Только сиплый, рефлекторный выдох затуманил лакированное дерево двери.

Она открыла замок ипустила мужчину в квартиру.

Штерн прошел в гостиную с деловой, отработанной грацией человека, привыкшего бывать в чужих домах и приносить новости разного толка. Он не стал разуваться, лишь аккуратно ступал по ламинату, оставляя после себя легкий запах дорогого одеколона и сырой осенней листвы. От него ве-

яло холодом — тем самым, уличным, ноябрьским холодом, который пробирается под одежду и заставляет ежиться.

— Я в курсе вашего... состояния, — сказал он, не оборачиваясь. — Можете не пытаться отвечать голосом. Просто используйте записи. Я подожду.

Майя взяла с тумбочки блокнот и ручку, которые теперь всегда были при ней. «Какое наследство? У меня нет родственников, кроме матери, и она жива», — написала она размашистым, нервным почерком.

Штерн сел на предложенный стул, щелкнул замками портфеля и извлек на свет увесистую папку кремового цвета. Папка была перевязана черной муаровой лентой — старомодно, торжественно и зловеще.

— Речь идет не о вашей матери, Марина Сергеевна, — произнес он, поправляя очки в тонкой золотой оправе. — Речь идет о вашем деде. По отцовской линии. Германе Аркадьевиче Лисе.

Ручка в пальцах Майи дрогнула. Она замерла, глядя на нотариуса. Дед по отцовской линии. Человек, которого она никогда не видела. Человек, который, согласно семейной легенде, умер задолго до ее рождения. Где-то на севере, в какой-то глуши, то ли от инфаркта, то ли от пьянства. Отец никогда не говорил о нем, а когда Майя спрашивала в детстве, отделялся коротким и резким: «Его нет. И не было». Эта тема была под абсолютным табу, как и всё, что касалось прошлого семьи.

«Дед? — написала Майя. — Мой отец говорил, что он умер».

— Ваш отец, — Штерн сделал микроскопическую паузу, в которой поместилась целая вечность осуждения, — заблуждался. Или, скажем так, сознательно вводил вас в заблуждение. Герман Аркадьевич Лис скончался две недели назад в поселке Заозерный. Ему было восемьдесят три года. И он оставил завещание, по которому вы, как единственная прямая наследница, вступаете во владение его имуществом.

Две недели назад. Когда она потеряла голос. Когда ее жизнь полетела под откос. Совпадение? Майя не верила в совпадения. Она верила в статистическую вероятность и в цепочки причинно-следственных связей. Но здесь никакой связи не прослеживалось, и от этого становилось еще более жутко.

«Что за имущество?» — написала она.

Штерн извлек из папки несколько скрепленных листов и разложил их перед ней. Это были фотографии. Старые, выцветшие, но сохранившие четкость. На первой фотографии был изображен деревянный дом с мезонином, утопающий в зарослях какого-то дикого кустарника. На второй — внутреннее убранство, которое меньше всего напоминало жилое помещение. Это была оранжерея. Огромная, заставленная стеллажами с горшками, колбами, ретортами и прочим оборудованием, тянущаяся куда-то вдаль, под стеклянную, занесенную снегом крышу. На третьей фотографии крупным

планом был снят странный цветок. Его лепестки казались прозрачными, словно сделанными из льда или тончайшего стекла, а сердцевина отливала тусклым, багровым светом. Под фотографией была надпись от руки: «Cryo-florum #7. Последний удачный экземпляр».

От одного взгляда на этот цветок у Майи заныло в затылке. Что-то в его форме, в пропорциях лепестков было неправильным. Тревожным. Как будто он был живым существом, застигнутым в момент трансформации.

— Герман Аркадьевич был ботаником-селекционером, — продолжал Штерн, наблюдая за ее реакцией. — Гением, не признанным официальной наукой. Затворником. Чудаком, как говорили в поселке. Он занимался выведением морозоустойчивых сортов растений. Пытался создать цветы, способные цвести при экстремально низких температурах. Последние двадцать лет он жил на полном самообеспечении, практически не контактируя с внешним миром. И вот, — нотариус сделал жест рукой, обводящий фотографии, — теперь это всё ваше.

Майя сидела, оглушенная. В голове был сумбур. Ботаник-селекционер. Дед. Гений-затворник. Заозерный. Эти слова не складывались в единую картину. Она ведь тоже ботаник. Не селекционер, нет, она занималась судебной экспертизой, но базовое образование у них было одно — МГУ, Биофак, кафедра ботаники. Неужели эта страсть к растениям была заложена в ней на генетическом уровне? Неужели

она унаследовала ее от человека, которого считала несуществующим?

Внезапно она почувствовала острый, пронзительный укол интереса, который пробился сквозь толщу апатии и страха. Там, на севере, в какой-то дыре под названием Заозерный, находился дом, полный тайн. Дом, в котором жил человек, связанный с ней кровными узами, но абсолютно чужой. Человек, который выращивал странные, пугающие цветы и плевать хотел на официальную науку.

«Что конкретно я должна сделать?» — написала Майя. Ее почерк стал более твердым.

— Подписать вот эти документы о вступлении в права наследства, — Штерн ловко пододвинул к ней папку с бумагами. — И, желательно, в течение ближайшего месяца посетить объект. Провести инвентаризацию. Решить, что вы будете делать с недвижимостью. Администрация поселка уже проявила интерес — они хотят снести оранжерею и построить на ее месте котельную. Но пока не вступите в права, это незаконно.

Снести оранжерею. Уничтожить труд всей жизни человека, который, возможно, был единственным, кто мог бы ее понять. Майя представила, как бульдозеры сносят стеклянные своды, как гусеницы вминают в грязь ледяные цветы. Это видение отозвалось где-то глубоко внутри тупой, ноющей болью, почти физической. Она не могла этого допустить. Не сейчас. Не зная всей правды.

Она взяла ручку. Первую секунду пальцы не слушались, но потом она сделала глубокий вдох, задержала дыхание и поставила размашистую подпись на всех экземплярах. Буквы вышли кривыми, дергаными, но это была ее подпись.

Штерн удовлетворенно кивнул, собрал свои копии в портфель и встал.

— Ключи от дома и оранжереи, а также точный адрес и карту проезда я оставляю вам в этом конверте, — он положил на стол тяжелый желтый пакет. — И, Марина Сергеевна... если позволите дать вам совет не как нотариус, а как человек, многое повидавший... Не задерживайтесь там надолго. Заозерный — странное место. И люди там под стать месту. Особенно сейчас, когда надвигается полярная ночь.

Он ушел, оставив после себя лишь запах одеколona и тревожное, тянущее чувство неизбежности. Майя осталась сидеть за столом, глядя на желтый конверт. За окном сгушались сумерки. Москва зажигала свои миллионы огней, но Майя чувствовала, как откуда-то издалека, с севера, веет ледяным, пронизывающим холодом. Там, за полярным кругом, ее ждал мертвый город, старая оранжерея и ответы на вопросы, которые она еще даже не успела сформулировать.

Она взяла смартфон и открыла приложение РЖД. Пальцы зависли над экраном.

«Билет до Мурманска. Завтра. Один».

Купить.

Поезд отправлялся в 23:17 с Ленинградского вокзала. У

нее оставалось чуть больше двадцати четырех часов, чтобы собрать вещи, предупредить мать и попрощаться с Москвой. Возможно, навсегда.

Она посмотрела на свое отражение в темном стекле окна. Бледное лицо, круги под глазами, спутанные волосы. Немая. Сломленная. Но в глубине зрачков уже начинал разгораться тот самый огонек, который когда-то заставлял ее сидеть ночами напролет за микроскопом в поисках истины. Огонек охотника.

Она едет на север. Она узнает, кем был ее дед. И, возможно, она узнает, почему она потеряла голос именно в тот самый день, когда его сердце остановилось.

Связь не могла быть случайной.
Теперь она была в этом уверена.

Глава 2. Дорога на север.

Поезд № 016А «Арктика» отправлялся от пятой платформы Ленинградского вокзала точно по расписанию, без минуты опоздания. В этом была какая-то жестокая ирония: весь мир Майи рухнул, рассыпался на атомы, время для неё остановилось, превратилось в вязкий кисель бессонных ночей и молчаливых дней, а РЖД работало как часы. Гигантский механизм перевозок не заботило, что одна из пассажирок забыла, как звучит собственный голос.

Майя стояла у окна в коридоре плацкартного вагона, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как про-

плываает мимо перрон. Провожающие махали руками, кто-то плакал, кто-то смеялся, молодой парень в военной форме целовал девушку в серой вязаной шапке. Жизнь бурлила. Жизнь издавала звуки. У Майи в ушах стояла только звенящая, абсолютная тишина, нарушаемая лишь стуком колес.

Она взяла с собой минимум вещей: рюкзак с тёплой одеждой, термобелье, купленное второпях в спортивном магазине за час до закрытия, походную аптечку, куда предусмотрительно добавила успокоительные и снотворное, и старый отцовский фотоаппарат «Зенит», доставшийся ей по наследству от человека, который отрицал существование собственного отца. Это была горькая шутка судьбы: цепочка отрицания, приведшая её в точку, где отрицать больше невозможно.

В руках она держала конверт, оставленный нотариусом Штерном. Там лежали ключи — два на ржавом кольце, старый, потёртый бланк с адресом, написанным от руки фиолетовыми чернилами, и сложенная вчетверо карта. Майя развернула её. Посёлок Заозерный был обозначен крошечной точкой на берегу Баренцева моря, в ста двадцати километрах к востоку от Мурманска. Ни железной дороги, ни асфальтированной трассы туда не вело. Только грунтовка, обозначенная пунктиром, который обрывался за двадцать километров до посёлка. Дальше — белое пятно. Ничего.

Соседи по купе уже спали, убаюканные мерным покачиванием вагона. Пожилая пара, ехавшая в Петрозаводск к вну-

кам, и мужчина неопределённого возраста в растянутом свитере, от которого пахло перегаром и дешёвым табаком. Майя забралась на свою верхнюю полку и, не раздеваясь, укрылась казённым одеялом с логотипом РЖД. Спать не хотелось, но тело требовало отдыха. Последние дни она почти не ела и не спала, существуя на каком-то автопилоте, который вёл её к неизвестной цели.

Она закрыла глаза и попыталась представить лицо деда. Германа Аркадьевича Лиса. В голову лезли только стереотипные образы: седобородый старик в очках, что-то вроде профессора Дамблдора на минималках. Но ни одной реальной черты. Отец уничтожил все его фотографии. Когда Майе было десять, она случайно нашла на антресолях старый альбом, но отец вырвал его из её рук с такой яростью, что девочка заплакала. «Там никого нет, кто был бы тебе интересен», — рявкнул он тогда, и тема была закрыта навсегда.

Теперь ей двадцать восемь, и она едет знакомиться с мертвецом.

Стук колёс сменился с частого перестука на более редкий, глухой. Поезд замедлял ход. За окном проносились редкие огни полустанков, занесённых снегом. Они проезжали дачные посёлки, какие-то склады, потом снова лес — бесконечный, тёмный, равнодушный. Майя провалилась в тяжёлое, тревожное забытьё без сновидений.

Мурманск встретил её серым, пронизывающим до костей рассветом. Солнце, если оно и существовало где-то за толщей облаков, не подавало признаков жизни. Воздух был колючим, наполненным запахом моря, рыбы, солярки и чего-то ещё — едва уловимого, сладковатого, похожего на запах прелых листьев. Того самого запаха, который Майя знала слишком хорошо по своей работе. Запах разложения, только замороженный, законсервированный холодом.

Она вышла на привокзальную площадь, поёживаясь в своей московской куртке, которая здесь, на 69-й параллели, казалась смехотворно тонкой. Ветер пробирался под одежду, кусал за щёки, забирался в рукава. Термометр на здании вокзала показывал минус восемнадцать.

Дальше по плану была маршрутка. Штерн в своей записке указал, что до Заозерного можно добраться только на «местном транспорте», который отправляется от автовокзала раз в сутки, в 14:00. У Майи было несколько часов на то, чтобы закупиться недостающей экипировкой и попытаться поесть.

Она зашла в привокзальное кафе — унылое заведение с пластиковыми столами и размытым пятном на месте телевизора, который вещал что-то без звука. Пахло пригорелым маслом и хлоркой. Майя заказала, ткнув пальцем в меню, блины с мясом и чай. Женщина за стойкой, грузная, с усталым лицом и ярко-рыжими волосами, посмотрела на неё с каким-то странным, изучающим выражением.

— Немая, что ли? — спросила она без особого участия,

просто констатируя факт.

Майя кивнула, не вдаваясь в подробности. Женщина хмыкнула и принялась наливать чай из огромного заварочного чайника. Чай был крепким, почти чёрным, и обжигал горло. Майя пила его мелкими глотками, чувствуя, как тепло растекается по телу, и смотрела в окно.

Город жил своей жизнью. Сновали машины, в основном старые, подержанные иномарки с заляпанными грязью номерами. Прохожие кутались в шарфы, прятали лица от ветра. Где-то далеко, в порту, гудели корабли. И надо всем этим — низкое, свинцовое небо, обещавшее скорый снегопад.

— Куда едешь-то? — не унималась буфетчица. Она явно была из той породы людей, которые не могут выносить тишину и заполняют её любой ценой. — В Мурманск? Или дальше?

Майя достала блокнот и написала: «Заозерный».

Реакция была мгновенной и неожиданной. Женщина замерла с тарелкой блинов в руке. Её лицо, до этого просто усталое, вдруг стало напряжённым, почти испуганным.

— Заозерный? — переспросила она, понизив голос, словно кто-то мог подслушать. — На кой ляд тебе в Заозерный? Туда ж нормальные люди не ездят.

«По семейным делам», — написала Майя.

— По семейным... — буфетчица поставила тарелку на стол с громким стуком. — Слушай, девонька. Я тебе так скажу. Я тут тридцать лет живу. И я ни разу не видела, чтобы

кто-то из Заозерного возвращался с хорошими новостями. Плохое там место. Гиблое. Ты бы лучше обратно, в Москву свою, пока не поздно.

Майя вопросительно подняла бровь. Она привыкла к суевериям — за годы работы с криминалистами она наслушалась всякого: и про «чёрных следователей», и про «проклятые улики», и про «мёртвые зоны». Но здесь было что-то иное. Не профессиональный фольклор, а искренний, почти животный страх.

— Там люди пропадают, — сказала буфетчица тихо. — Не то чтоб часто. Но стабильно. Раз в пару лет. То рыбак не вернётся. То девушка какая. А пару недель назад вообще... — она осеклась и махнула рукой. — Ладно. Не моё дело. Ешь блины, пока горячие.

Майя хотела написать вопрос — кто пропал? что случилось пару недель назад? — но женщина уже отвернулась к плите и всем своим видом показывала, что разговор окончен.

Блины оказались неожиданно вкусными, но еда застревала в горле. Майя съела половину, допила чай и вышла на мороз.

Маршрутка, отправлявшаяся до Заозерного, представляла собой выдавший виды микроавтобус «Газель», латанный-перелатанный, с треснувшим лобовым стеклом и глу-

шителем, который при каждом повороте ключа зажигания издавал звук, похожий на предсмертный хрип. Водитель, коренастый мужик лет пятидесяти в шапке-ушанке и засаленной телогрейке, представился коротко: «Петрович». Узнав, куда едет пассажирка, он присвистнул и сплюнул себе под ноги.

— Двойной тариф, — сказал он. — Потому что обратно я пустой пойду. Никто ж из Заозерного в Мурманск не ездит. Там свои машины, а кто победнее — тот вообще носа не кажет.

Майя спорить не стала. Деньги, отложенные на чёрный день, пока ещё были. Она забралась в салон, пропахший бензином и рыбой, и села у окна. Кроме неё, пассажиров не было.

— Что, совсем одна? — удивился Петрович, заглядывая в салон. — Ну, бывай. Дорога длинная, километров сто тридцать, да по такой погоде все четыре часа пилить будем.

«Газель» тронулась, дребезжа всем кузовом, и выехала из Мурманска на трассу. Сначала за окном мелькали промышленные окраины — серые коробки заводов, ржавые краны, горы какого-то металлолома. Потом потянулись сопки, покрытые низкорослым, искривлённым ветром лесом. Деревья здесь были не такие, как в средней полосе: низкие, корявые, с неестественно изогнутыми стволами. Они напоминали застывшие в мучительных позах человеческие фигуры.

Петрович оказался разговорчивым. Он комментировал

каждый поворот, каждую кочку, каждую встречную машину. Майя слушала его монолог вполуха, кивая, когда требовалось, но мысли её были далеко.

— ...а там, гляди, кладбище старое, ещё финское, — говорил он, тыча пальцем в боковое окно. — Говорят, там шаманы свои обряды проводили. Камни там странные, сложенные в круги. Учёные приезжали, мерили чего-то, да так и уехали ни с чем.

Майя посмотрела в окно. Мелькнули покосившиеся кресты, занесённые снегом холмики, голые ветки кустов. И правда, атмосфера была гнетущая.

Через два часа езды ландшафт начал меняться. Лес поредел, уступив место тундре — бесконечной, унылой, покрытой снегом равнине, над которой гулял ледяной ветер. Небо и земля сливались в единую серо-белую массу. Горизонт исчез. Ощущение пространства пропало. Казалось, что «Газель» висит в какой-то мутной, невесомой субстанции.

— Вотчина наша, — усмехнулся Петрович. — Красотища, а? Тут у нас полгода ночь, полгода день. Точнее, день-то так, для галочки. Солнце над горизонтом на часок выглянет и обратно. А сейчас вообще полярная ночь начинается. Следующие два месяца темнотища будет, только звёзды да северное сияние.

Майя прижалась лбом к стеклу. Она никогда не видела северного сияния, только на фотографиях. Говорили, что это одно из самых красивых зрелищ на Земле. Но сейчас она не

чувствовала предвкушения. Только тревогу, глухую и постоянную, как фоновая музыка.

— А чего тебе в Заозерном-то надо? — спросил Петрович, переходя на доверительный тон. — Ты ж не местная. Оно и видно. Одежда не та, лицо не то. Что забыла в нашей дыре?

Майя показала ему страницу блокнота, где заранее написала ответ: «Получила наследство от деда. Германа Лиса. Будете там через час?»

Петрович прочитал. Его лицо вытянулось. Машина вильнула, и водитель поспешно выровнял руль.

— Ты внучка Старого Германа? — спросил он каким-то севшим голосом. — Того самого, что на отшибе жил? В Оранжеее?

«Да. Вы его знали?»

Петрович замолчал. Это было красноречивее любых слов. Он просто перестал говорить — впервые за всю дорогу. Его пальцы, сжимавшие руль, побелели. Он уставился на дорогу с преувеличенным вниманием, словно боялся, что если он отвлечётся, то случится что-то непоправимое.

Майя ждала. Тишина в салоне сгустилась, стала осязаемой. Только стук мотора, только свист ветра в щелях, только скрежет дворников, разгребающих снежную кашу с лобового стекла.

— Знали, — наконец выдавил Петрович. — Все его знали. Он тут... как бы это сказать... местной достопримечательно-

стью был. Вроде снежного человека. Про него байки рассказывали, но мало кто его живьём видел. Он в свой посёлок почти не выходил. Только когда припасы заканчивались.

«Что за байки?»

— Да разное... — Петрович поёжился и поправил шапку. — Говорили, что он того... с растениями разговаривает. И они ему отвечают. Говорили, что в его оранжерее цветы такие, каких нигде в мире нет. И что он их не водой поливает, а... — он осёкся. — Да ну, глупости всё это. Люди от скуки чего только не придумают. Полярная ночь, делать нечего, вот и сочиняют.

«А чем поливает?» — Майя настаивала, её ручка летала по бумаге.

— Да неважно, — отрезал Петрович. — Слушай, я тебя довезу, куда сказано. Высажу у поворота, там тропинка к его дому. А дальше сама. Я в ту сторону не ходок.

И он действительно замолчал. До самого конца.

Посёлок Заозерный появился внезапно, как мираж. Сначала из серой мглы выступили очертания водонапорной башни, потом — покосившиеся крыши домов, потом — остовы ржавых лодок, вытащенных на берег. Посёлок был маленьким, сдавшимся, умирающим. Улицы, вернее, одно название — занесённые снегом колеи между домами. Фонари горели через один, а те, что горели, давали тусклый, больной, жёл-

тый свет.

Но самым поразительным был запах. Он обрушился на Майю, как только Петрович приоткрыл дверь, чтобы сплунуть. Запах моря — резкий, солёный, йодистый. Запах рыбы — не свежей, а той, что остаётся в чешуе после разделки. Запах дыма от печных труб. И под всем этим — уже знакомый сладковатый оттенок тления. Тот самый, что преследовал её в Москве, в кошмарах.

— Приехали, — буркнул Петрович, останавливая машину у дорожного указателя с полустёртой надписью «Заозерный». — Дальше пешком. Тут недалеко, метров восемьсот. Вон, видишь, стеклянная крыша торчит? Это и есть Оранжея. Дом Германа рядом, за холмом.

Майя вышла из машины. Ветер ударил в лицо с такой силой, что она пошатнулась и схватилась за дверцу. Мороз был куда злее, чем в Мурманске. Он пробирался под одежду мгновенно, кусал открытые участки кожи, заставлял слезиться глаза.

Петрович, не прощаясь, захлопнул дверь и дал по газам. «Газель» развернулась, взвизгнув покрывками на укатанном снегу, и умчалась обратно, в сторону Мурманска. Через минуту её задние габаритные огни растворились в серой мгле, и Майя осталась одна.

Абсолютно одна.

Посреди тундры, на краю умирающего посёлка, в нескольких сотнях метров от дома, который ей завещал чужой че-

ловек с её фамилией.

Она поправила лямки рюкзака и пошла вперёд, проваливаясь в снег по щиколотку. Восемьсот метров — в Москве такое расстояние она проходила за десять минут, не замечая. Здесь оно казалось бесконечным.

Сначала по обе стороны тянулись покосившиеся заборы и тёмные окна домов. Где-то лаяла собака — хрипло, надсадно. Из одной трубы валил дым, и пахло горящими дровами. Но в большинстве домов света не было. То ли жители экономили электричество, то ли домов были заброшены.

Чем дальше Майя удалялась от центра посёлка, тем тише становилось вокруг. Собачий лай затих. Дым остался позади. Теперь только ветер, снег и она.

И вдруг — она.

Оранжерея.

Сначала показалась стеклянная крыша — грязная, местами разбитая, с покореженными металлическими фермами. Потом — стены, вернее, то, что от них осталось: высокие, сложенные из красного кирпича, с огромными арочными окнами, заколоченными фанерой. Сооружение было огромным, гораздо больше, чем Майя себе представляла по фотографиям. Оно занимало площадь примерно в половину футбольного поля и возвышалось над тундрой, как остов погибшего космического корабля.

Вблизи Оранжерея выглядела ещё более зловеще. Стекла были покрыты изнутри толстым слоем льда, который от-

свечивал тусклым, голубоватым светом. У Майи возникло стойкое ощущение, что этот лёд живой. Что он наблюдает за ней. Что в глубине, под этим панцирем, что-то шевелится.

Она оторвала взгляд от Оранжереи и посмотрела на дом деда.

Он стоял чуть поодаль, на небольшом возвышении — добротный, рубленый дом с мезонином, тёмный и молчаливый. Крыльцо занесено снегом. Ставни закрыты. Над трубой ни дымка.

Майя подошла к калитке. Та была не заперта, просто привалена сугробом. Она толкнула её плечом, преодолевая сопротивление снега, и вошла во двор. Здесь было тихо — так тихо, что звон в ушах казался оглушительным. В этой тишине её собственное дыхание звучало как работающий компрессор.

Она поднялась на крыльцо. Достала из кармана ключи — те самые, на ржавом кольце. Их было два. Один большой, старинный, с затейливой бородкой — видимо, от дома. Второй поменьше, плоский, современный — вероятно, от какого-то сейфа или лабораторного ящика.

Большой ключ вошёл в замочную скважину с трудом, словно замок не открывали годами. Майя надавила, провоцируя его. Механизм заскрежетал, застонал, но поддался. Она толкнула дверь.

Из дома пахло холодом, пылью и чем-то ещё — сложным, многогранным ароматом, в котором смешались запахи

сухих трав, старого дерева, табака и времени. Запах человека, которого больше нет.

Майя переступила порог, вошла внутрь и закрыла за собой дверь. В доме было темно, хоть глаз выколи. Она достала из кармана телефон, включила фонарик. Луч света выхватил из темноты прихожую: вешалку с одиноким пальто, стопку старых газет на тумбочке, умывальник с заржавевшим крапом.

Она прошла дальше, в комнату, которая, судя по обстановке, служила гостиной и кабинетом одновременно. Письменный стол, заваленный бумагами. Книжные шкафы до потолка, набитые фолиантами в кожаных переплётках. Печь-голландка, облицованная изразцами. И на стене, над каминной полкой — большая фотография в рамке.

Майя подошла ближе, подняла фонарик.

С фотографии на неё смотрела молодая женщина с длинными светлыми волосами и улыбкой, полной нежности. В руках она держала букет каких-то необычных, не виданных Майей цветов — полупрозрачных, словно вырезанных из льда.

Таких же, как на фотографиях Штерна.

И внизу, на пожелтевшей картонке паспарту, фиолетовыми чернилами — тем же почерком, что и на конверте нотариуса — было выведено:

«Моя Анечка. Моя душа. Единственный цветок, который я не смог спасти. Прости меня. Г. Л.»

Майя смотрела на лицо женщины, и холод, ползущий по спине, не имел ничего общего с минусовой температурой за окном.

Она знала это лицо. Оно снилось ей в детстве. Она видела его в старом альбоме, который отец вырвал из её рук.

Это была её мать. Только на двадцать лет моложе. И с букетом цветов, которые не существовали в природе.

Что, чёрт возьми, здесь произошло двадцать лет назад?

Майя опустилась на стул, чувствуя, как дрожат колени. Она поняла, что разгадка тайны, которую она искала, находится не в будущем. Она похоронена в прошлом. И теперь, когда она здесь, это прошлое начало пробуждаться.

Глава 3. Дом из стекла.

Сколько Майя просидела в оцепенении перед фотографией матери, она не знала. Время в этом доме текло иначе — густо, медленно, как остывающий воск. Телефон в её руке давно погас, экономя заряд, и комната погрузилась в крошечную тьму, нарушаемую лишь слабым лунным светом, пробивающимся сквозь щели в ставнях. Она осталась один на один с портретом женщины, чья улыбка была ей до боли знакомой и одновременно чужой.

Мать. Здесь, в этом забытом богом и людьми посёлке, висела фотография её матери, сделанная явно до рождения Майи. С букетом цветов, выращенных её дедом. С надписью, из которой следовало, что дед пытался её «спасти». От чего?

От смерти? От болезни? Или от чего-то иного, что Майя пока не могла даже вообразить?

Она заставила себя встать. Ноги затекли, спина ныла. В доме было холодно, но не так, как на улице — толстые бревенчатые стены ещё хранили остатки тепла ушедшей жизни. Майя снова включила фонарик на телефоне и осмотрелась внимательнее.

Гостиная деда была кунсткамерой ботаника-затворника. Книжные полки прогибались под тяжестью фолиантов на нескольких языках — латынь, немецкий, русский, какие-то скандинавские наречия. «Флора арктических широт», «Руководство по криоконсервации биологических тканей», «Мифы и легенды народов Севера: растения-психопомпы», «Культ предков в фитотерапии саамов». Последняя книга заставила Майю задержаться. Психопомпы — проводники душ в загробный мир. Какое отношение это имеет к ботанике?

Она провела пальцем по корешкам. Пыль лежала толстым слоем, но некоторые книги были зачитаны буквально до дыр. На столе, заваленном бумагами, стояла старая керосиновая лампа, покрытая копотью. Рядом — чернильница с засохшими фиолетовыми чернилами и россыпь перьевых ручек. Никакого электрического освещения, кроме лампочки под потолком, которая, судя по состоянию, не зажигалась уже много лет. Дед явно предпочитал жить при свечах и керосине, словно в XIX веке.

Майя перебрала бумаги на столе. В основном это были ботанические зарисовки и заметки на полях. Но одна тетрадь, лежавшая особняком, привлекла её внимание. Это был дневник. Толстая, потрёпанная тетрадь в кожаном переплёте, перетянутая резинкой. На обложке — выцветшая надпись: «Г.А. Лис. Заметки о Крио-флоре. Том I. 1987—».

Майя взяла дневник в руки с трепетом, почти религиозным. Вот он. Ключ ко всему. Она села обратно на стул, направила свет фонарика на страницы и открыла первую запись.

«3 сентября 1987 года. Сегодня я принял решение, которое изменит всё. Академия отвергла мой проект. Они назвали его "лженаукой" и "шарлатанством". Им не понять, что жизнь — это не только углеродные цепочки и обмен веществ. Жизнь — это память. И если память можно сохранить в клетках растений, то смерть — всего лишь временное состояние. Я докажу им. Я верну ЕЁ».

Почерк был твёрдым, размашистым, полным уверенности. Но чем дальше Майя листала, тем более хаотичным, рваным он становился.

«12 января 1989 года. Первый успех. Семена, обработанные по моему протоколу, проросли при температуре минус пятнадцать градусов. Они растут, Анечка! Они растут во льду! Если я смогу заставить их цвести, значит, я на правильном пути. Холод — это не смерть. Холод — это консервация. Вечная жизнь в кристалле льда».

Анечка. Анна. Её мать. Майя перевернула страницу.

«4 апреля 1990 года. Сегодня ночью я услышал, как они говорят. Нет, не говорят — поют. Это низкая частота, ниже человеческого слуха, но я чувствую её кожей, зубами, костями. Мои цветы поют колыбельную. Они зовут кого-то. Мне страшно, но я не могу остановиться. Я слишком близко».

Следующие страницы были густо исписаны формулами, которые Майя, при всём своём ботаническом образовании, не могла расшифровать. Какие-то алхимические символы, схемы строения клеток, расчёты энергетических затрат на «криопереход». Одна фраза повторялась снова и снова, словно мантра: «Кровь — это вода памяти. Вода памяти — это жизнь».

«17 октября 1993 года. Сегодня я переступил черту. Я использовал человеческий материал. Прости меня, Господи, если Ты есть. Прости меня, Анечка. Но иначе я не мог. Мои цветы требовали питания. Они голодны. Им нужна не просто вода. Им нужна суть. Я дал им то, что они просили».

Майя отложила дневник. Её руки дрожали. Человеческий материал. Питание. Суть. Что именно делал её дед в этой оранжерее? Какие эксперименты он ставил, идя на поводу у своих «голодных» растений?

Она заставила себя встать и подойти к окну. Через щели в ставнях был виден силуэт Оранжереи, возвышающийся над тундрой на фоне тёмного, усыпанного звёздами неба. Поляр-

ная ночь вступала в свои права, но звёзды здесь, на севере, были ярче, чем где-либо. Они висели так низко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой.

Оранжерея манила. Звала. Майя чувствовала это почти физически — тянущее ощущение в солнечном сплетении, словно невидимая нить связала её с этим стеклянным чудовищем.

«Не ходи туда ночью», — сказал внутренний голос. Голос разума, который пока ещё работал.

Но другой голос, более древний, более тёмный, шептал: «Иди. Там ответы. Там правда. Там твоя семья».

Майя натянула куртку, взяла фонарик — на этот раз настоящий, найденный на полке в прихожей, старый, но ещё работающий — и вышла из дома.

Тропинка от дома к оранжерее была едва заметна под снегом, но угадывалась по двум рядам камней, обозначавшим границы дорожки. Майя шла медленно, проваливаясь в сугробы, чувствуя, как мороз кусает щёки и забирается под воротник. Дыхание вырывалось изо рта густыми облаками пара. Тишина вокруг стояла такая, что было слышно, как где-то далеко, в Баренцевом море, трескается лёд.

Оранжерея приближалась, вырастала, заслоняя собой полнеба. В лунном свете её стеклянные грани отсвечивали мертвенно-бледным, зеленоватым сиянием. Майя подошла

к массивной металлической двери, расположенной в торце здания. Дверь была приоткрыта — буквально на ладонь. Словно кто-то ушёл в спешке, забыв запереть за собой. Или словно кто-то ждал гостью.

Она толкнула дверь. Та подалась с протяжным, жалостливым скрипом, который эхом разнёсся под сводами. Майя вошла внутрь и замерла, потрясённая.

Оранжерея изнутри была совершенно не похожа на то, что она ожидала увидеть. Это был не заброшенный парник с пожухлыми остатками растений. Это был целый мир — застывший, мёртвый, но сохранивший следы былого величия. Пространство делилось на несколько зон, соединённых арочными проходами. Вдоль стен тянулись стеллажи с горшками, колбами, ретортами — настоящая лаборатория. С потолка свисали высохшие лианы, оплетавшие металлические балки. Пол был выложен кафельной плиткой, местами треснувшей, местами покрытой коркой льда.

Но самым поразительным были растения.

Они не погибли. Они застыли. Каждый лист, каждый стебель, каждый бутон был покрыт тончайшим слоем льда, прозрачным и сверкающим, словно горный хрусталь. Цветы, замороженные в момент цветения, выглядели как произведения искусства — хрупкие, невесомые, светящиеся изнутри. Голубые розы с ледяными шипами. Лилии, чьи лепестки были тоньше папиросной бумаги. Орхидеи, похожие на застывших в полёте тропических бабочек.

Но были и другие. Те, что Майя видела на фотографиях Штерна. «Крио-флорум #7». Они стояли в отдельной секции, за стеклянной перегородкой, и выглядели совершенно иначе. Их лепестки были не белыми, не голубыми, а... багровыми. Тёмными, как запёкшаяся кровь. И они не были покрыты льдом. Вокруг них воздух дрожал и переливался, словно над раскалённым асфальтом в летний полдень.

Майя подошла ближе. Её дыхание участилось, сердце застучало в горле. Она прижала ладонь к холодному стеклу перегородки, и в этот момент один из цветков — тот, что находился ближе всего к ней, — медленно, едва заметно повернул свою головку в её сторону.

Она отдёрнула руку и отшатнулась.

— Этого не может быть, — прошептала она одними губами, забыв, что не может говорить. Слова всё равно не прозвучали. — Цветы не двигаются. Это галлюцинация. Это стресс. Это холод. Я перемёрзла, и у меня...

Цветок снова шевельнулся. Теперь сомнений быть не могло: он не просто поворачивался — он тянулся к ней, преодолевая расстояние в несколько сантиметров, словно подсолнух, следующий за солнцем. Только здесь не было солнца. Здесь была только Майя.

Она попятилась. Ей вдруг стало нестерпимо жарко, хотя температура в оранжерее была явно ниже нуля. Лоб покрылся испариной. В висках застучала кровь. Она чувствовала, как внутри неё что-то происходит — какая-то перестрой-

ка, какая-то настройка, словно радиоприёмник, поймавший волну, которую не должен был ловить.

«Моя кровь — их вода. Моя память — их пища», — пронеслось в голове.

Фраза из дневника. Та самая, которую она прочитала полчаса назад и не поняла. Теперь она начинала понимать. Дед создал цветы, которые питаются не минералами из почвы. Они питаются памятью. Человеческой памятью, закодированной в крови. И они узнали её — свою новую хозяйку.

Майя бросилась к выходу. Она бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о ледяные наросты на полу, цепляясь за лианы, которые, казалось, пытались её удержать. Фонарик выпал из рук и покатился в сторону, высвечивая какие-то тёмные, бесформенные массы на стеллажах. Массы, которые могли быть мешками с удобрениями, а могли быть чем-то совсем иным.

Она выскочила наружу, вдохнула ледяной воздух полной грудью. Сердце колотилось как бешеное. Руки дрожали. Перед глазами всё ещё стоял образ цветка, поворачивающегося к ней, как живое существо.

Майя упала на колени в снег, не чувствуя холода. Её сознание разрывалось между научным скепсисом, который отказывался принимать увиденное, и древним, первобытным ужасом, который кричал: «Беги! Беги отсюда, пока они не проснулись окончательно!»

Но она не могла бежать. Во-первых, некуда. Ближайший

город в четырёх часах езды, а последняя маршрутка ушла. Во-вторых, она не могла оставить дневник. Там были ответы. И в-третьих, — и это было самым страшным, — она не хотела бежать. Часть её, та самая часть, которая унаследовала гены сумасшедшего ботаника-затворника, хотела остаться. Хотела понять. Хотела продолжить.

Она медленно поднялась с колен, отряхнула снег с куртки и, не оглядываясь на оранжерею, пошла обратно к дому. В спину ей смотрели тысячи ледяных глаз-бутонов.

Дома Майя первым делом растопила печь. Дрова нашлись в сарае, аккуратно сложенные, сухие — дед явно заготовил их на несколько зим вперёд, словно знал, что не вернётся. Огонь занялся быстро, и вскоре в гостиной стало тепло. Живое, танцующее пламя отбрасывало пляшущие тени на стены, заставленные книгами, и комната сразу стала уютнее, безопаснее. Иллюзия безопасности — Майя прекрасно это понимала, но сейчас ей было всё равно.

Она села к столу, зажгла керосиновую лампу и раскрыла дневник на том месте, где остановилась. Читать дальше было страшно, но не читать — ещё страшнее.

«21 декабря 1998 года. Сегодня — самая долгая ночь в году. И сегодня мой Сад дал первые плоды. Нет, не ягоды и не семена. Плоды иного рода. Когда я вошёл в оранжерею, я увидел ЕЁ. Она стояла среди цветов, босая, в белом платье,

которое было на ней в тот день, когда... когда это случилось. Она улыбалась и протягивала ко мне руки. Я побежал к ней, но споткнулся и упал. А когда поднялся, её уже не было. Только цветы тихо звенели, словно смеялись надо мной. Сад показал мне Анечку. Сад может больше, чем я думал. Он не просто хранит память. Он воссоздаёт её. Материализует. Если я продолжу, я смогу вернуть её насовсем. Я знаю, это возможно».

Материализация памяти. Воссоздание. Майя перечитала эти строки трижды. Её дед, Герман Аркадьевич Лис, великий ботаник и, судя по всему, великий безумец, утверждал, что его растения способны создавать физические копии людей на основе их «крови-памяти». Это было за гранью науки, за гранью здравого смысла, за гранью всего, во что Майя верила. Но она только что видела цветок, который шевелился. Видела собственными глазами. И её мать, Анна, была каким-то образом вплетена в эту историю с самого начала.

«3 февраля 2004 года. Сегодня я совершил ошибку. Я дал Саду слишком много. Он вышел из-под контроля. Корни пробили бетонный пол подвала и ушли глубоко в землю. Теперь он связан с посёлком. С лесом. С кладбищем. Он пьёт отовсюду. Я не могу его остановить. Он просит ещё. Всегда ещё. Я перестал приносить ему то, что он просит, но он научился брать сам. Господи, помоги мне. Если кто-то читает это — уничтожьте его. Сожгите дотла. Не дайте ему...»

Запись обрывалась на полуслове. Следующие страницы

были пусты — до самого конца тетради. Майя пролистала их в поисках хоть какой-то зацепки, но нет. Дневник заканчивался здесь.

Она посмотрела на часы. Почти полночь. За окном — непроглядная тьма, только луна висит в небе огромным, серебристым шаром. Где-то вдалеке, кажется, снова лает собака, но звук быстро затихает.

Майя прошла в спальню — небольшую комнату с железной кроватью, застеленной лоскутным одеялом. На прикроватной тумбочке — ещё одна фотография, на этот раз без рамки, просто прислонённая к стене. Та же женщина, что и в гостинной — Анна, — но моложе, почти девочка, с двумя косичками и робкой улыбкой. И рядом с ней — мужчина. Высокий, сутулый, в круглых очках и мешковатом костюме. Он держит девочку за руку и смотрит на неё с выражением бесконечной, всепоглощающей любви. Герман Лис. Её дед.

Майя легла в кровать, не раздеваясь, только сняв ботинки. Она укрылась одеялом, пахнущим лавандой и временем, и уставилась в потолок. Сон не шёл. Мысли крутились, как белка в колесе.

И вдруг — стук.

Тихий, осторожный, но отчётливый. Тук-тук-тук.

Майя села в кровати. Сердце ухнуло в пятки. Стук доносился снизу. Из подвала. Который, судя по дневнику, был связан с оранжереей корнями Сада.

Тук-тук.

Она медленно спустила ноги на пол. Половицы скрипнули. Стук прекратился.

Тишина. Долгая, звенящая.

А потом — шёпот. Едва различимый, но явственно человеческий. Он шёл из-под пола, словно кто-то находился прямо под ней, в подвале, и пытался что-то сказать.

— Май-я... — шелестел голос, похожий на шорох сухих листьев. — Май-я... иди ко мне...

Она замерла. Этот голос не мог принадлежать живому человеку. В нём не было тепла, не было дыхания. Только интонация — странно знакомая, почти родная.

— Май-я... ты нужна нам... ты нужна Саду...

Майя закрыла глаза и зажала уши руками. Она не пойдёт в подвал. Не сейчас. Возможно, никогда. Но она знала наверняка: утром ей придётся сделать выбор. Остаться и узнать правду — какой бы чудовищной она ни была. Или бежать, забыть всё это как страшный сон и вернуться в Москву, к своей разрушенной карьере и молчанию.

Но бежать было некуда. Сад уже знал о ней. И он не отпустит.

Где-то в оранжерее, под толщей земли и льда, зашевелились корни. Цветы повернули свои головки к дому. И тихий, хрустальный звон наполнил полярную ночь — звон тысячи ледяных лепестков, трущихся друг о друга в предвкушении нового рассвета.

Глава 4. Первый мороз.

Рассвет в Заозерном был понятием условным. Солнце не взошло — оно лишь обозначило свое присутствие где-то далеко за горизонтом, разбавив крошечную тьму полярной ночи до состояния густых, свинцовых сумерек. Небо из черного стало темно-серым, а снег из невидимого превратился в бескрайнюю, унылую пелену, сливающуюся с небом в единое целое. Это был мир без теней, без красок, без четких контуров. Мир, в котором Майе предстояло научиться выживать.

Она проснулась от холода. Печь, которую она растопила ночью, давно прогорела, и температура в доме сравнялась с уличной. Из рта при дыхании вырывался пар. Одеяло, пахнущее лавандой, покрылось инеем по краям. Майя села на кровати, чувствуя, как затекшие мышцы отзываются тупой болью на каждое движение. Спала она урывками, постоянно просыпаясь от каждого скрипа, каждого шороха, каждого вздоха ветра в печной трубе. Голос, звавший ее из подвала, затих лишь под утро, но ощущение, что за ней наблюдают, не покидало ее ни на секунду.

Она заставила себя встать, растопить печь заново, вскипятить чайник на старой, чугунной плите. В доме не было водопровода — только ручейник с заржавевшим краном и ведро с колодезной водой, которую она набрала вчера из уличной колонки. Спарта́нские условия. Но, как ни странно, именно эти простые, механические действия — наколоть

дрова, разжечь огонь, заварить чай — помогли ей немного успокоиться. Руки делали привычную работу, а разум тем временем анализировал.

Итак. Что она знает на данный момент:

Ее дед, Герман Аркадьевич Лис, был гениальным ботаником-затворником, который занимался созданием морозоустойчивых растений, способных каким-то образом «хранить память».

Эти растения, названные «Крио-флорой», предположительно питаются человеческой кровью и могут материализовывать воспоминания.

Ее мать, Анна, была каким-то образом связана с этими экспериментами — либо как вдохновитель, либо как объект, либо как жертва.

Сад вышел из-под контроля деда, проник глубоко в землю и теперь связан с поселком и окрестностями.

Прошлой ночью Сад заговорил с ней.

Последний пункт был самым трудным для принятия. Майя была ученым. Она верила в факты, в доказательства, в воспроизводимые эксперименты. Но то, что она видела в оранжерее — движущийся цветок, — и то, что она слышала ночью — голос из подвала, — не укладывалось ни в одну научную парадигму. Оставалось предположить, что она сходит с ума. Что стресс, немота, потеря работы и наследство, свалившееся как снег на голову, запустили в ее мозгу какой-то необратимый процесс разрушения.

Но был и другой вариант. Вариант, который ее научный разум отказывался принимать, но который с каждым часом казался все более вероятным. Сад реален. Он живой, разумный и крайне опасный. И он ждал ее.

Допив чай и съев половину бутерброда (аппетита не было, но она заставила себя), Майя оделась и вышла на улицу. Нужно было осмотреть окрестности при дневном, пусть и крайне скудном, свете.

Поселок Заозерный в сумерках полярного дня выглядел еще более удручающе, чем ночью. Улицы — вернее, заснеженные колеи — петляли между покосившимися заборами. Дома, в основном старые, деревянные, почерневшие от времени и сырости, жались друг к другу, словно пытаясь согреться. Кое-где горел свет в окнах, из труб валил дым, но людей видно не было. Словно поселок вымер, а свет зажигали призраки.

Майя прошла мимо заброшенного здания, которое когда-то, судя по вывеске, было поселковым клубом «Северное сияние». Окна заколочены, на крыльце — сугробы в человеческий рост. Дальше был магазин с тусклой вывеской «Продукты», но и он выглядел закрытым. Лишь у здания поселковой администрации, одноэтажного барака с облупившейся штукатуркой, стоял старенький УАЗ с мигалкой на крыше. Единственный признак присутствия власти.

Она уже собиралась возвращаться домой, когда услышала крик.

Крик был женский — высокий, надрывный, полный неподдельного ужаса. Он разорвал тишину поселка, как нож разрезает натянутую ткань. Эхо заметалось между домами, отражаясь от заснеженных крыш, и затихло где-то в тундре. А потом наступила тишина, еще более густая и зловещая, чем до крика.

Майя замерла, пытаясь определить направление звука. Кажется, кричали оттуда, где центральная улица упиралась в берег. Она побежала, насколько это было возможно в тяжелых ботинках по скользкому насту. Сердце колотилось, дыхание сбивалось, морозный воздух обжигал легкие.

Через пару минут она выбежала на открытое пространство — что-то вроде площади перед старым причалом. Ржавый пирс уходил в море, скованное льдом. Рыбацкие лодки, вытасненные на берег, стояли перевернутые, похожие на скелеты доисторических животных. И здесь, на берегу, среди ржавых бочек и брошенных сетей, толпились люди. Человек десять — пятнадцать. Все местные, судя по одежде и лицам. Они стояли полукругом, что-то разглядывая на снегу, и переговаривались приглушенными, испуганными голосами.

Майя подошла ближе, протискиваясь сквозь толпу. Никто не обратил на нее внимания — все взгляды были прикованы к земле. А когда она увидела то, на что все смотрели, ее ноги едва не подкосились.

На снегу лежала девушка.

Совсем юная, лет семнадцати-восемнадцати, не больше.

Одетая в старомодное светлое платье, совершенно не подходящее для полярной зимы — легкое, ситцевое, с выцветшим цветочным узором. Такие платья носили в середине девяностых. Ее руки были сложены на груди, как у покойницы в гробу. Длинные светлые волосы разметались по снегу, уже прихваченные инеем. Глаза закрыты. Губы — синие. И во рту у нее был цветок.

Тот самый цветок. «Крио-флорум». С полупрозрачными, багровыми лепестками и светящейся изнутри сердцевинкой. Он рос прямо у нее изо рта, словно пророс из горла наружу, и его стебель, покрытый мельчайшими ледяными кристаллами, обвивал ее шею, как удавка.

Майя смотрела на это зрелище, и мир вокруг нее закружился, потерял четкость. Она знала этот цветок. Она видела его вчера в оранжерее. Она видела его на фотографиях Штерна. И она видела его на снимке в руках своей матери.

Толпа зашумела громче. Кто-то заголосил — та самая женщина, чей крик Майя слышала минутами ранее, теперь рыдала, уткнувшись в плечо стоявшего рядом мужчины. «Леночка! Леночка!» — причитала она. Другие мрачно молчали, крестясь, отводя глаза.

— Расступитесь! Дорогу! — раздался резкий, властный голос.

Толпа расступилась, и к телу прошел человек в форме капитана полиции. Высокий, широкоплечий, с тяжелым, словно высеченным из гранита лицом и коротким ежиком тем-

ных, тронутых сединой волос. Его глаза, серые, холодные, как февральский лед, быстро и цепко осматривали место происшествия, фиксируя каждую деталь. Капитан Демидов. Местный страж порядка. Единственный страж порядка на сотни километров вокруг.

— Кто обнаружил тело? — спросил он, не повышая голоса, но так, что все сразу замолчали.

— Я... я, — всхлипывая, выступила вперед та самая женщина. — Пошла сети проверить, что с вечера ставили, а она тут лежит... Господи, да что ж это такое...

— Время обнаружения?

— Да минут десять назад... Я сразу закричала...

Демидов кивнул и присел на корточки рядом с телом, не касаясь его. Он всмотрелся в лицо девушки, и Майя заметила, как его челюсти сжались. Он узнал ее. Это было видно по тому, как изменилось его лицо — на долю секунды, почти незаметно, но Майя, привыкшая работать следователем (пусть и ботаником, но в следственной бригаде), умела читать микровыражения. Это не было удивлением профессионала, увидевшего труп. Это было личное.

— Всем отойти за ограждение, — скомандовал он, поднимаясь. — Место происшествия оцеплено до приезда оперативной группы из Мурманска. Никому не приближаться.

— Да какая группа, Демидов? — подал голос кто-то из толпы, коренастый мужик в шапке-ушанке. — Пока они доедут по такой погоде, сутки пройдут. А тело здесь так и бу-

дет лежать?

— Будет, — отрезал капитан. — Или ты хочешь взять ответственность за порчу улик на себя, Кравчук?

Мужик стушевался и замолчал. Толпа начала медленно расходиться, но Демидов, обводя взглядом присутствующих, вдруг остановился на Майе. Его глаза сузились. Он явно никогда не видел ее раньше, а чужаки в Заозерном были явлением исключительным, а значит — подозрительным.

— Вы, — сказал он, шагнув к ней. — Кто такая? Я вас в поселке раньше не видел.

Майя открыла рот по привычке, но тут же вспомнила о своем недуге. Она сунула руку в карман за блокнотом, но Демидов истолковал ее жест по-своему — его рука мгновенно легла на кобуру.

— Медленно, — предупредил он. — Руки из карманов. Медленно.

Майя замерла, подняла руки, показывая пустые ладони. Потом медленно, очень медленно, достала из кармана блокнот и ручку. Демидов наблюдал за ней с напряженным вниманием, готовый в любую секунду среагировать.

Она написала: «Меня зовут Марина Лис. Я приехала вчера. Я внучка Германа Лиса. Я немая».

Протянула блокнот капитану. Он прочитал, и выражение его лица изменилось — стало еще более настороженным. Имя Германа Лиса явно было ему знакомо. И явно не вызывало приятных ассоциаций.

— Внучка Старого Германа? — переспросил он. — Того, что жил в оранжерее?

Майя кивнула.

— И вы приехали именно вчера? В день, когда... — он не договорил, но смысл был ясен. В день, когда нашли труп.

Она снова кивнула.

Демидов помолчал, что-то обдумывая. Его взгляд скользнул по ее лицу, по одежде, по рюкзаку. Он был профессионалом и, как любой профессионал, не верил в совпадения.

— Значит, так, Марина Лис, — сказал он наконец, возвращая ей блокнот. — Вы остаетесь здесь. Никуда не уезжаете. Будете давать показания. И молитесь, чтобы ваше алиби подтвердилось.

«Алиби? — написала Майя. — Вы меня подозреваете?»

— Я всех подозреваю, — холодно ответил капитан. — Особенно тех, кто приезжает в Заозерный накануне убийства. Особенно тех, кто связан с этой проклятой оранжереей. Вы знаете, что это за цветок? — он указал на труп.

Майя заколебалась. Соврать? Сказать правду? Она выбрала полуправду.

«Видела такие в оранжерее деда. Вчера. Впервые в жизни».

— Впервые в жизни, — повторил Демидов с мрачной усмешкой. — А у девушки во рту именно такой цветок. Цветок из оранжереи вашего деда. Который, заметьте, умер две недели назад, и с тех пор никто в его владения не заходил.

Кроме вас.

Майя хотела написать, что это неправда, что она не убивала, что она вообще не знает эту девушку, но остановилась. Что-то в происходящем не давало ей покоя. Она снова посмотрела на тело. На платье. На прическу. Что-то было неправильно. Что-то не соответствовало реальности.

И тут она поняла.

Девушка лежала на снегу в тонком ситцевом платье, при температуре минус двадцать. У нее не было обморожений. Ее кожа, хоть и бледная, была гладкой, без следов воздействия экстремального холода. Ее волосы, прихваченные инеем, выглядели так, словно их расчесали минуту назад. Она не могла пролежать здесь долго — максимум час, два. Но платье... платье было из другой эпохи.

И лицо. Лицо казалось смутно знакомым. Майя напрягла память, пытаясь вспомнить, где она могла его видеть. И вдруг — озарение.

Фотографии в дневнике деда. Между страниц были вложены старые, пожелтевшие вырезки из местной газеты «Заозерный вестник». Она мельком просматривала их ночью, не вчитываясь. Но один снимок застрял в памяти: группа школьников, выпускной класс, 1998 год. И одна из девушек на фото была точной копией жертвы.

Той девушке сейчас должно быть за сорок. Но на снегу лежала семнадцатилетняя.

Майя почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она

снова посмотрела на цветок во рту жертвы. И в этот момент — то ли от порыва ветра, то ли от чего-то иного — цветок шевельнулся. Его лепестки дрогнули, и Майя услышала звук. Тот самый — тихий, хрустальный звон, похожий на звон тысячи крошечных колокольчиков.

И одновременно с этим — голос. Не снаружи. Внутри. В ее собственной голове.

— *Помоги мне...* — прошептал голос. Девушка. Та самая, что лежала на снегу. — *Я не могу уйти... Они держат меня... Корни... Они везде...*

Майя схватилась за голову. Видение накрыло внезапно, как приступ мигрени. Она увидела — нет, не увидела, скорее, ощутила — темноту, холод, влажную землю, сжимающую тело со всех сторон. Она почувствовала, как что-то прорастает сквозь нее — тонкие, белые, как черви, нити, оплетающие кости, заползающие в горло, в легкие, в мозг. Она задыхалась, захлебывалась, а голос — ее собственный или чужой? — продолжал шептать: «Сад... Сад помнит... Сад не отпускает...»

— Эй! — голос Демидова прорвался сквозь пелену. — С вами всё в порядке? Вы побледнели.

Майя очнулась. Она стояла на коленях в снегу, сама не заметив, как упала. Перед глазамиплыли темные круги. Руки тряслись. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.